

«Мы пробуждаем в людях любопытство»

Юлия Шахновская об образовательных программах Политехнического

В ЛЕТНИХ НАУЧНЫХ
ЛАБОРАТОРИЯХ
И НАУЧНОМ ЛАГЕРЕ
ПОЛИТЕХА

В МОЕМ детстве с музеями все было серьезно. Экспонаты сияли за стеклами, натертый паркет блестел, шуметь запрещалось, а чтобы что-то потрогать — об этом и речи быть не могло.

К счастью, сегодня все по-другому. О том, что предлагает школьникам современный музей, рассказывает директор легендарного Политеха.

— У исторического здания на Новой площади стоят подъемные краны. Вы строите новый корпус?

— Нет, просто есть два двора, которые мы перекрываем стеклом, они станут частью музейного пространства. Плюс крыша никуда не годится, и мы ее фактически перекладываем: реставрируем старые стропила деревянные. А пока все это происходит, работаем на трех площадках: есть экспозиция на ВДНХ, в Открытых фондах на АЗЛК проходят экскурсии, в сентябре вернется с каникул Университет детей.

— Я видела анонсы вашего летнего научного лагеря и удивилась, насколько подача отличается от привычной. Такое впечатление, что химия в школе и химия в ваших лабораториях — две разные науки.

— Это не две разные науки, просто другой язык. Если рассказывать скучно и непонятно, как многим из нас рассказывали в школе, химию трудно полюбить. Как, впрочем, и любую другую науку. У нас в лагере однажды были археологические раскопки, и дети поняли: это не просто «помел и пошел», это процесс, занимающий недели, и с объектами надо обращаться очень бережно. Археологи объясняли, как с материалом работать, вместе с детьми проводили исследования. Вообще, к нам едут познавать мир: собирать радио, строить дом на дереве, рисовать красками, сделанными из трав и цветов. Это такого качества опыт, которого в школе не получишь.

— Наверное, после таких занятий детям скучно возвращаться в класс. Допускаете ли вы мысль, что однажды школа за вами подтянется, изменит подход?

— Это было бы прекрасно, но особых иллюзий у нас нет. Школа слишком фундаментальна — сложно представить, что она быстро мобилизуется. Скорее мы рассчитываем на то, что дети и родители, которые знакомятся с нашими программами, начнут искать в себе интерес, искать место, где этот интерес можно реализовать. Мы не можем тягаться со школой, но можем пробуждать в людях любопытство. К тому же мы находимся в жесточайшей конкуренции с ЕГЭ — не с самим экзаменом, но с тем временем, которое старшие школьники тратят на подготовку к нему. А ведь это самое сладкое время, когда дети уже достаточно взрослые и уже есть проявленный интерес и готовность воспринимать сложные вещи...

— Мне казалось, у вас есть программа подготовки к ЕГЭ?

— К ЕГЭ мы не готовим. У нас есть углубленные программы по школьным дисциплинам: можно получать дополнительные знания. Скорее это помощь тем, кто участвует в олимпиадах, и тем, кто уже определился с выбором если не профессии, то направления деятельности. Человек говорит: «Хочу быть биологом» — мы ему с удовольствием помогаем и многое можем дать.

— Таких определившихся сегодня все больше?

— Да.

— То есть наука становится более привлекательной?

— Если раньше, в классическом советском понимании, наука была чем-то закрытым, элитарным, чем-то, к чему трудно подобраться, то сейчас наука — это часть нашей жизни, и, конечно, интерес к ней